

О контр-революционной организации правых в Средней Азии я имею сообщить следующее.

В 1933 году я поехал в отпуск в Северную Киргизию, на Мелен-Шахский хребет, при чем проездом был в Ташкенте и во Фрунзе. Уехал я в отпуск, предварительно дав согласие на созыв конференции ^и одобрил, вместе с другими участниками правого центра, основные установки Т.н. рютинского платярника, о чем я подробно ^{говорил} ~~наказал~~ в своих предыдущих показаниях, данных мною следствию. В Ташкенте я прожил некоторое время на квартире А. Икрамова и, если не ошибаюсь, несколько дней на даче ЦК Узбекистана, куда меня отвозил А. Икрамов. Последнее я давно знаю, ибо он был еще одним из моих слушателей в Свердловском Университете в старые (относительно) времена. Как раз в данный период, т.е. ко времени моего пребывания в Ташкенте, в Казахстане (не в Узбекистане), благодаря шовинистской политике Толмачева, было массовое разорение казахов, трехсотая часть смертность, голод, и жоны беженцев шли из Казахстана, куда шла и идет, в том числе и в Узбекистан, и в Туркестан, в Ташкент. В связи с этим явлением, которое, как гласит, было у всех на устах, у меня с Икрамовым и начались политические разговоры, от обмена мнениями перешли к более длительным беседам. При этом Икрамов, возмущаясь политикой Толмачева, в более широкой форме касаясь общепартийной линии, политику партийного руководства, высказывал ту ~~идею~~ мысль, что одно не может идти оторвано от другого, и что, следовательно, в самой линии партии есть организационный порок, раз она в таком объеме приводит к столь неудовлетворительным результатам: за Толмачева, мол, отвечает Политбюро. Я, с своей стороны, не только не возражал Икрамову, но продолжал развивать эти мысли и обобщать их и в общей форме, в конце концов, рассказав Икрамову об установках правого центра. Подробно я, помню, не говорил, так как все же не знал Икрамова столь близко, а, с другой стороны, по вели его высказываниям мог сделать заключение о том, что он в основе своих взглядов придерживается правых ориентаций. На обратном пути или в следующем году - я теперь этого не могу вспомнить - Икрамов, между прочим, упомянул о правых ориентациях Райбулла-Кодмаева, котие, разумеется, находил его чрезмерно правым и не скрывал своих лично-непримиримых отношений к Райбулле, как человеку, сделавшему из другого Теста. Такое рода личное отношение, однако, очевидно, не мешало политическому договору в основных вопросах. Мне вспоминается, что в эти же концы ок, ^{каким-то образом} ~~разговор~~ / а Зеленин, которого к тому времени уже не было в Азии и о котором он говорил в "Плюс и минус" и о ком-то из крупных националов, может быть, о Васильеве.

3. Фрунзе, на даге ЦК Сев. Киргизии, где я пробыл пару дней, по вечерам ~~давали~~ играли (Билиард, подкидные дурачки ет.), и приезжали национально-киргизы, в том числе был и Абдуррахманов. С Абдуррахманович у меня не было разговора, но он был настроен вполне оптимистично, как - в то время я не могу сказать. Вскоре он был арестован, как и от кого-то тогда слышал, в связи с найденными у него дневником троцкистского содержания - так ли это, я не знаю. Когда я возвращался с Тянь-Шаня, ~~я~~ и ехал снова через Фрунзе, во Фрунзе приехала комиссия ЦК, во главе с Андроповым, вместе с которым приехал Бауман. Мы ездили однажды вместе на охоту, но политических разговоров здесь не было: Андропов не был в единственном числе и о его миссии не спрашивал, но как будто его приезд имел какое-то отношение к делу об Абдуррахманове. Мне известно было также, что в это время во Фрунзе был правый А. П. Смирнов ("Рома"), но я с ним не виделся. Возможно, что он, с своей стороны, видел с какими-либо националами.

В 1936 году я ездил в отпуск ^{на} в Ташкир, и в Северную Киргизию. Ехал я снова через Ташкент. На этот раз я не мог остановиться у Икрамова, так как он до моего приезда в Ташкент въехал в отпуск в Сочи или еще куда-то, хотя я послал на его имя телеграмму о своем приезде. Получил ли он эту телеграмму или нет, я не знаю, так как вообще его не видел (за исключением пленума ЦК, с которого я был взят). Мне ответил на мое упоминание о пленуме дагу ЦК Уткин, под Ташкентом, где в то время были ^{одни из} секретари ЦК, Цехер. Оура я ездил на день или на два в одно курортное местечко (у меня волевым из головы его название, хотя его я прекрасно знал, это была известное в Ташкенте место) и его название легко установить.) Там были в то время и Р. Ходнаев, который, узнав о моем приезде, пригласил меня на обед. Был я у него, если не ошибаюсь, дважды, и в одно из этих посещений имел с ним ~~беседу~~ ^{довольно} /интересный разговор.

- Разговор этот имел три оси, если начать или не начинать:
- 1) я рассказывал о своей запланированной поездке,
 - 2) теоретизировал насчет проблемы Европа-Азия,
 - 3) беседовал о политике.

Два первые пункта мне следствия не представляли интереса: это был разговор на тему о кризисе капиталистической культуры, о восточных влияниях (Индия, арабы, Китай), о Тибетско-индусской медицине, об истории столь древних национальных культур и т.д., всё в теоретическом ракурсе и довольно историческом плане.

То же касается третьего пункта, то я должен прежде всего заявить, что с Райзунимой Ходнаевым я вообще говорил первый раз в жизни. Я, разумеется, знал его шапокин-партийно, знал его лично по ~~близким~~ линии развития в Азии вообще и т.д., знал, наконец, со слов Ахм. Икрамова о его настрояниях. Но сам я более или менее серьезно встретился с ним первый раз и поэтому не мог пускаться в особые откровенности. Поэтому с моей стороны изложение платформы правых носило скрывающий и все же недвусмысленно конкретный характер. Если я не ошибаюсь, речь шла о мучивших развернутых событиях, о массовой борьбе и т.д. без названий вещей вполне иными, хотя по сути псевдонимам и можно было сообразить себе ~~то~~ представляемое, о чем шла речь, как о перспективе.

Ф. Ходнаев, с своей стороны, напирал на тенденцию независимости. Я легко возражал, говоря лишь о гарантиях более свободного подбора национальных кадров и т.д. Мне не менее, повторю, более или менее общий эффект был кажда и много для обещания поддержки аспирациям Райзунимы. Поэтому уместно здесь говорить об организационно-политической связи.

После этого я уехал на Талиш и вскоре должен был туда вернуться из-за болезни своего спутника, С. А. Мендраса. ~~Однако~~ Ехал я снова через Машкеур, но здесь видел только Цехера, во Фрунзе говорил по телефону с Белоглазовым и уехал на Иссык-Куль. Там видел предположительно Сакева (или Исакеева), о политике с ним не говорил, а на обратном пути я страшно спешил и волею из Машкеура на самолете, снова увидав только Цехера.

Таким образом, из лиц, кои в той или иной мере просекли (кроме меня само-го) к разбирательству вопросу, следует назвать:

Икрамова,
Ф. Ходнаев,
Абдуррахманова(?),
Зеленского,
Вренулова,
Андреева,
А. Смирнова (Полу)

После возвращения Карахана у меня было три веселых вечера разговора: 1) с М.Н. Моисеичем,

2) с А.С. Енукидзе, 3) с Л.М. Караханом.

С Моисеичем разговор состоялся в том, что он весьма коротко сказал, что Карахан ездил и т.д., в общем, ~~какая~~ не касавшись ни территориальных уступок (как ретрита), я довольно резко протестовал против самого факта посылки, без предварительного точного уговора, на т.д. Моисеич пожим плечами и ~~заставил~~ гримасу, вроде: "Но ведь, когда доходишь до дела, протестуешь, тебе во всяком случае угроза ретрита". Рассказывал мне довольно коллодно, но я все же не с Моисеичем и-та т.д. не порвал.

Разговор с Енукидзе, как раз, был у него на квартире, куда я забегал на несколько минут. Я двинул был, примкнув, Таков:

- Как же вы послали Карахана без уговора?
- Мне Моисеич сообщал, что он может ехать.
- Ведь, то же, вероятно, знал, что я, по меньшей мере, сомневался в целесообразности переловить вообще?
- Мне же знал от Моисеича, что я решительно возражал против Троцкистских методов?
- Но Моисеич говорил, что если без территориал, то говорить можно.
- Что же привел с собой Карахан?
- Да в общем дело идет об экономических уступках, и в случае войны, и в случае мира.
- Значит, Карахан уже дал себя сдвинуть?

Мне Енукидзе отвечал очень категорически, краской и волнованием, но только кардинал я у него не получил: понял только, что Карахан, очевидно, не отрицал достаточной твердости, как это всегда с ним бывало в сфере "дипломатических" переговоров.

Через некоторое время я на Кремлевском дворе встретил и самого Карахана.

- Л.М.! Скажите, что Вас погнало в суэцкий?
- Енукидзе
- От чего именно?
- От вас всех.
- Но разве не знали, что у нас большие сомнения в этом вопросе?
- Даже не сомнал, я думаю, что есть вполне определенные линии.
- Что же у вас, однако, вошло?
- Обсуждали два варианта: во время войны можно за мир предвидеть больших уступок (главные образцы, речь идет о поставках сырья, горючего и концессиях); а если без войны мы придем к власти, то обещать уступок меньше.

Далее Карахан заметил, что, в суэцком, речь ~~идет~~ не о конкретных соглашениях, а о "соглашении касает принципов соглашения", при том самое соглашение должно было бы быть дефакто враждебным уже в соответствующий момент.

- А как же вы стали обсуждать вопрос о соглашении во время войны? Не думаете ли вы, что здесь кое-что зависит и от того соотношения сил, которое будет к тому времени? Тогда вы спешите? Не вам, ужасно Троцкий вас же-ли подтолкнул?
- Да нет, хотя именно и ссылались на "господина Троцкого". ~~Моя задача была в том, чтобы...~~ Но от этого вопроса центр было уже уйти, раз пошли на переговоры.

Таких образом, из этих деловых разговора с Караханом я вывел такое заключение:

- 1) что речь шла о соглашениях по поводу будущего соглашения;
- 2) что обсуждались два варианта;
- 3) что в обмен на заключение мира можно потребовать больших экономических уступок;
- 4) что Карахан к этому соглашению дал;
- 5) что - хотя соглашение о соглашении и я. получилась более приемлемое, тем,

"по Трухому", но что и на Карахана, и на Енчиште, и на Томском наскоки Троцкого, ару-
мендиринского от "дела, дела и дела", к сожалению, очевидно, производит известное впечатление.
Несмотря на то, что сами с крайним уважением относились к самому брату, переловили и
иные серьезные политические опасения, даже после всего этого и со всем этим не порвали.
(и потому не отвечившие), надеясь и тут, что дело как-нибудь "обладается". Конечно, все эти
субъективные переживания и даже соответствующие отражения не в малой степени не унижа-
ют самого брата, о чем шла речь.

^{1/2}
Р/очень деликатно разговорах с Енукидзе (у него на квартире) и с Караханов (на крестьян-
ской дворе) и могу вспомнить, что Енукидзе говорил о каких-то своих ^{связях} ~~установках~~ в
немецких кругах, подтверждал также информацию Тоцкого. ~~То же и Караханов, при этом~~
~~и узнал от последнего, что ему, Карахану, ничего не было известно относительно внутрен-~~
~~них раскопаний по поводу переговоров с немцами вообще, а с ~~французом~~, что и он, и Енукидзе,~~
~~явно, подпадают под обвинение авиационистов в отношении Тоцкого.~~ Он рассказывал, что
у него существуют личные связи в немецких правительственных
кругах и т.д., ~~еще со шпретсманом~~ в свое время ^{связи} ~~он~~ ^{виделся}
в Берлине с шпретсманом, а в дальнейшем в канцелярии
он пришел в Берлин встретился с государственным ре-
гентом. Это произошло и после Царевского
приворота.

Разговор с Караханов был очень короткий. Он
повторил мне уже сказанное Тоцким. Полностью
только, ^{от него} ~~но не от~~ и ~~француз~~ ^{узнал}, что немец
требует не только разрыва с Францией и Чехо-Словакией,
но и саклотетом волевого союза с Германией.

при варианте

~~это восток соединяется с Германией~~

соответствующим ^{с немцами} переговорам. Об этом я знаю

в этой посылке сраба - было ~~то~~ все три настроения,

кладываться мало-по-малу такая Концепция:
правительства /

~~павлов и Каракиса, но~~ Из сообщения М.П. Тоцкого